

И. Д. Концев

**СУБЪЕКТНО-РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА КАНТОВСКОГО ТЕКСТА
В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»
КАК ФАКТОР АРГУМЕНТАЦИИ**

На материале «Критики чистого разума» И. Канта раскрывается зависимость аргументации от различных субъективно-речевых ролей автора. В статье показано, как та или иная ипостась, в которой выступает Кант как автор своего текста, обуславливает используемую им аргументацию.

The dependence of argumentation on different subjective and speech roles of the author is revealed on the basis of Kant's 'Critique of pure reason'. The article demonstrates how one or another role of Kant as the author of the text determines the argumentation.

Для начала следует сказать, что Кант считал, что текст его первой «Критики» обладает абсолютной доказательной силой. И если содержание текста — сам Кант подчеркивает это — гипотетично (он сравнивает свою теорию познания с гипотезой Коперника), то форма изложения аподиктична, иными словами, обладает модальностью необходимости. В предисловии ко второму изданию в примечании Кант прямо говорит следующее:

«В данном предисловии я выставляю изложенный мной в Критике переворот в способе мышления, аналогичный той самой гипотезе (имеется в виду гипотеза Коперника), также всего лишь как гипотезу, однако в том, что касается самого изложения, она доказывается на основе свойств наших представлений о пространстве и времени и элементарных понятий рассудка не гипотетически, а аподиктически, с тем чтобы при-

влекать внимание к первым попыткам подобного переворота, которые всегда гипотетичны» [1, S. 28]¹.

Итак, содержание гипотетично, а форма обладает абсолютной доказательной силой. Как же указанная особенность изложения сказывается на речевой структуре текста «Критики»? Дело в том, что Кант как автор своего текста выступает в нем в нескольких ипостасях, из которых следует назвать, по крайней мере, четыре, а именно:

а) Кант как носитель своей теории априорного принципа получения знания;

б) Кант как эмпирический субъект мышления и познания, ментальные акты которого служат эмпирической базой аргументации. Этот же субъект является носителем трансцендентальных форм познания (что еще нуждается в доказательстве);

в) Кант как субъект, выступающий в защиту своей теории и вообще выражающий к ней свое отношение, т. е. как трансцендентный субъект, или как экспертная инстанция трансцендентальной теории познания;

г) Кант как автор текста.

Речевые акты, представленные в тексте, имеют референцию к этим четырем субъектно-речевым ролям автора, и в каждой он по-своему участвует в процессе аргументации и, организуя взаимодействие между субъектами, создает аргументационную полифонию.

Речевые акты трансцендентного субъекта, как правило, автосемантически, интродуктивны или, напротив, выполняют подытоживающую или комментирующую — полемическую функцию, т. е. они обычно начинают собой какие-либо новые этапы или повороты рассуждения и аргументации или заканчивают, подытоживают их. Вот, например, как начинается первый раздел «Трансцендентальной эстетики»:

«С помощью внешнего чувства (одного из свойств нашей души) мы представляем себе предметы как находящиеся вне нас

¹ Перевод, разрядка и пунктирование текстовых примеров в данной статье мои. — *И. К.*

и как находящиеся в пространстве как таковом. В нем определены или определимы их форма, величина и отношение друг к другу. Внутреннее чувство, с помощью которого наша душа созерцает саму себя или свое внутреннее состояние, хотя и не дает нам представления о самой душе как объекте, тем не менее оно есть некая форма, благодаря которой только и возможно созерцание ее внутреннего состояния, так что все, что относится к внутренним определениям, представляется нами во времени. Внешне время невозможно созерцать, так же как и пространство, но только как нечто, существующее в нас. Так что же такое пространство и время?...» [1, S. 71].

Как следует из данной иллюстрации, речевые акты этого речевого субъекта выполняют функцию предварительных, или вводных, замечаний. Логически они играют роль посылок, без которых невозможно в дальнейшем правильно понимать и интерпретировать текст. К этим же речевым актам можно отнести акты с функцией различного рода пояснений или вообще с комментирующей и подытоживающей предшествующее рассуждение и аргументацию функцией, а также речевые акты с полемической функцией. В целом это речевые акты с «обрамляющей» основные этапы рассуждения и аргументации функцией. Их специфика в том, что они в максимальной степени используют фактор адресата, т. е. обладают ярко выраженной прагматикой. Их функция пропедевтическая, или профилактическая, направленная на устранение возможного неправильного понимания и истолкования предмета рассуждения и его результатов. Вот, например, как начинается § 7 этого же раздела:

«Против данной теории, которая признает за временем эмпирическую реальность, но отрицает абсолютную и трансцендентальную, я слышал со стороны уважаемых мужей столь единодушное возражение, что из этого я заключаю, что оно естественно должно возникнуть у каждого читателя, которому подобные рассуждения кажутся необычными. Оно звучит так:...» [1, S. 83].

Далее следует полемика Канта со своими оппонентами, в которой он доказывает субъективно-эмпирическую реальность времени и пространства.

Речевые акты автора как носителя своей теории носят специфический для Кантовой концепции характер. Они занимают центральное место в тексте, образуя его ядро. Это такие формы речи, как метафизическое истолкование (*metaphysische Erörterung*), трансцендентальное истолкование (*transzendente Erörterung*), метафизическая дедукция (*metaphysische Deduktion*), трансцендентальная дедукция (*transzendente Deduktion*), трансцендентальная рефлексия (*transzendente Reflexion*) и др. Их специфика обусловлена спецификой самого предмета рассуждения. Поэтому каждой из них Кант дает свои определения. Так, метафизическое истолкование он определяет как истолкование, показывающее, что понятие и все, что к нему относится, дано нам *a priori*. Естественно, что данная его априорность должна быть доказана. Поэтому в данной форме речи — как, впрочем, и в остальных — в сильной степени представлена аргументирующая составляющая, которая так же специфична. Специфика аргументации в ней состоит в том, что Кант как теоретический субъект взаимодействует с Кантом — эмпирическим субъектом, ментальные акты которого служат доказательной базой, поставляя эмпирические факты от ментальной деятельности данного субъекта. Построение текста таково, что теоретический субъект выдвигает тезис, а эмпирический, производя интроспекцию, подкрепляет данный тезис ментальными фактами. Например:

1) «(I) Пространство не является эмпирическим понятием, выводимым из внешнего опыта. (II) Ибо для того, чтобы определенные ощущения могли относиться к чему-то вне меня (т. е. к чему-то, находящемуся в другом месте пространства, чем в том, в котором я нахожусь), а равно для того, чтобы я мог их представлять как находящиеся рядом или вне друг друга, а тем самым не просто как различные, но и как находящиеся в разных местах пространства, для этого представление пространства должно быть уже заложено во мне...» [1, S. 72].

Как явствует из примера, речевой акт полагания (I) имеет референцию к автору как теоретическому субъекту, а речевой акт (II) — к нему как эмпирическому субъекту. Первый на-

правлен на предмет рассуждения, он автосемантичен (самостоятелен). Второй содержит аргументацию, он синсемантичен (несамостоятелен), так как включается в текст посредством первого, предполагает его.

Так как в основе познавательной способности субъекта эмпирического познания лежат трансцендентальные формы созерцания и мышления, то положения, касающиеся этого трансцендентального субъекта, доказываются также с помощью мыслительных операций эмпирического субъекта, производящего в данном случае ментальные акты трансцендентальной рефлексии. Например:

(I) Представление «я мыслю» должно с необходимостью иметь возможность сопровождать все мои представления, (II) ибо иначе я мог бы иметь представления, которые мной вовсе не мыслятся, что было бы равнозначно самой их невозможности, или, по крайней мере, для меня они были бы ничто. (III) То представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется созерцанием. (IV) Следовательно, все многообразное, данное в созерцании, должно с необходимостью соотноситься с «я мыслю» того самого субъекта, которому это многообразное принадлежит» [1, S. 136].

Данный пример интересен тем, что здесь в (I) автор выступает в роли эмпирического субъекта, производящего трансцендентальную интроспекцию и выдвигающего одно из основных положений трансцендентализма; в (II) содержится аргументация в форме трансцендентальной интроспекции от этого же субъекта; в (III) и (IV) автор выступает как теоретический субъект, производя дефинитивный и выводной речевые акты. Однако все построение в целом представляет собой силлогизм, построенный из посылок от эмпирического (первая) и от теоретического субъекта (вторая) с выводом от теоретического субъекта. Таким образом, данные, полученные эмпирическим субъектом, лежат в основе формальной, т. е. логической аргументации. И вообще аргументация, например, в тексте «Трансцендентальной дедукции» в «Критике» строится с использованием данных двух уровней — теоретического (де-

скриптивный уровень текста) и эмпирического (интроспективный уровень текста), — причем второй находится, как правило, на службе у первого, ведущего рассуждение вперед и фиксирующего его результаты. В целом же аргументация с участием этих двух субъектов совершается в двух модусах — дескриптивном (объективном) и интроспективном, или субъективном. Ярким примером подобного построения текста может служить последний абзац § 16 «Трансцендентальной дедукции», где подводится итог всему предшествующему рассуждению в данном параграфе:

«(I) Хотя этот принцип необходимого единства апперцепции и является тождественным самому себе, т. е. аналитическим суждением, тем не менее, он делает необходимым синтез данного в созерцании многообразного, без которого не может мыслиться аналитически единство самосознания. (II) Ибо посредством простого представления «Я» не дается ничего многообразного, оно может быть дано только в отличном от него созерцании и благодаря связи мыслится как находящееся в одном сознании. (III) Рассудок, в котором одновременно с самосознанием давалось бы и многообразное, был бы способен созерцать, но наш может лишь мыслить и вынужден искать созерцание в чувственности. (IV) Следовательно, я осознаю идентичность самого себя благодаря многообразию данных мне в созерцании представлений и поэтому я называю их все моими представлениями, составляющими одно. А это означает, что я осознаю их необходимый синтез а priori, который называется первоначальным синтетическим единством апперцепции, в котором находятся все данные мне представления, однако последние должны быть подведены под него с помощью операции синтеза» [1, S. 138].

В данном примере в пункте (II) представлена аргументация в дескриптивном (объективном) модусе, а в пункте (IV), где подводится итог, — в субъективном, т. е. в данном случае эти формы речи меняются местами.

Следует подчеркнуть, что когда Кант выступает в роли субъекта эмпирического мышления и познания, употребляя местоимение «я», то это «я» следует понимать как инклюзивное «я», имеющее в виду каждого, любого эмпирического

субъекта, т. е. «мы». Отсюда понятно, почему в подобном фрагменте текста формы «я» и «мы» употребляются синонимично, перемежаясь друг с другом, но есть, правда, разница в прагматике: с именем «мы» связывается большая степень объективации аргументации и модальность утвердительной (подчеркнутой) констатации. Она употребляется на заключительных этапах аргументации. Например:

«Мы не можем мыслить себе ни одного предмета иначе, как с помощью категорий; мы можем познавать мыслимые нами предметы не иначе, как только с помощью созерцаний, соответствующих данным категориям. Но все наши созерцания чувственны, и это познание в случае, если ему дан предмет, эмпирично. Но эмпирическое знание и есть опытное знание. Следовательно, мы можем получать априорное знание только о предметах возможного опыта» [1, S. 157].

Однако в целом и дескриптивный, и интроспективный дискурсы входят как составные части в дискурс «от трансцендентального аргумента», образующего самый важный в концептуальном отношении уровень текста в «Критике чистого разума», показывающий автора как носителя трансцендентальных форм созерцания, мышления и познания. В этом своем качестве автор использует форму инклюзивного «мы» (см. пример выше).

Кант как теоретический и как трансцендентный субъект пользуется эксклюзивным именем «я» — по существу, это разные «я», — причем оба могут встречаться иногда даже в пределах одного акта речи. Например:

«(1) Прежде всего я должен заметить, (2) что под синтезом восприятия (Apprehension) я понимаю синтез многообразного, данного в созерцании, в результате которого становится возможным ощущение, т. е. эмпирическое осознание его (как явления)» [1, S. 154].

Как следует из примера, в пункте (1) выступает трансцендентное авторское «я», производящее речевой акт замечания, а в пункте (2) — теоретическое «я», производящее акт опреде-

ления; первый ставит пропозициональную установку (замечание), а второй — диктум.

Интересно проследить, как строится аргументация (в прагматическом смысле, не в смысле формально-логическом, а как аргументация для адресата) в большом фрагменте кантовского текста с помощью модели субъектно-речевых ролей автора. В качестве примера для анализа можно взять § 26 «Трансцендентальной дедукции»... Параграф отчетливо делится на три фрагмента, разграниченных самим автором. Первый содержит предварительные замечания, необходимые для понимания последующего рассуждения, и, главное, четко формулируется проблема, подлежащая решению в данном параграфе. Он состоит из трех речевых актов: ретроспективного и проспективного (в первом абзаце) и речевого акта замечания, дополненного примечанием (в сноске). С логической точки зрения все положения данного фрагмента носят характер посылок, которые, правда, нужны не столько для формального построения силлогизмов, сколько как информация для обеспечения зачина и нужного автору понимания своего рассуждения со стороны адресата (аргументация в интересах адресата). Но приведем этот абзац полностью:

«(1) В метафизической дедукции было показано происхождение категорий а priori вообще путем их полного совпадения с общими логическими функциями мышления, а в трансцендентальной дедукции была показана их возможность выступать в качестве знания а priori о предметах, данных в созерцании вообще. (2) Теперь должна быть показана возможность познания с помощью априорных категорий всех предметов, которые только могут быть даны нашим чувствам, но не с точки зрения форм их созерцания, а с точки зрения законов их связи, следовательно, законов, как бы предписываемых природе и даже делающих их (предметы) возможными. (3) В самом деле, без этой их способности было бы не понятно, как все, что только может быть дано нашим чувствам, должно подчиняться законам, источником которых а priori единственно является рассудок» [1, S. 153].

В этом абзаце содержатся следующие предварительные информативные посылки:

1. Априорные категории полностью совпадают с общими логическими функциями мышления.
2. Они представляют собой априорное знание о предметах созерцания вообще.
3. Они должны быть также и формальными законами а priori познания связи всех предметов созерцания вообще.
4. Без этого их свойства был бы не понятен «X».
5. «X»: Источником законов природы является единственно априорный рассудок.

Из данных посылок только в третьей формулируется, правда пока в гипотетическом модусе, предмет обсуждения в данном параграфе. В четвертой и пятой посылках формулируется основание (причина) постановки вопроса в пункте 3. Во втором абзаце первого фрагмента автор выступает уже как теоретический субъект, который, в частности, напоминает читателю о том, что следует понимать под термином «синтез восприятия». В третьем абзаце еще раз констатируются в объективированно-ретроспективном модусе результаты, полученные в «Трансцендентальной эстетике» относительно форм созерцания эмпирического субъекта (под именем объективированного «мы») и их синтезирующей функции, чтобы сделать вывод о том, что в основе эмпирического синтеза многообразного, данного в пространстве и времени, лежит априорное представление о связи вообще, обусловленное априорными категориями, и что категории эти суть условия возможности получения опытного знания вообще. Основными пропозициями текстового силлогизма в данном абзаце являются:

1. Мы имеем в лице представлений о пространстве и времени априорные формы как внешних, так и внутренних созерцаний.
2. Синтез восприятия многообразного в явлении должен всегда соответствовать этим формам.
3. Данный синтез может совершаться только в этой форме.

4. Пространство и время суть также сами по себе многообразное.

5. Они несут в себе априорный признак единства этого многообразного.

6. Уже сама возможность представления единства многообразного вне нас и внутри нас содержит представление о связи.

7. Это априорное представление является условием синтеза всякого восприятия.

8. Данное синтетическое единство есть не что иное, как связь многообразного созерцания вообще в чистом сознании.

9. Эта связь происходит в соответствии с категориями.

10. Она действительна только для нашей способности созерцания.

11. Всякий синтез подчинен категориям.

12. Опыт есть знание, полученное посредством связанных представлений.

13. Категории суть условия возможности получения опытного знания.

14. Следовательно, они суть априорные условия получения знания о всех предметах опыта вообще.

Приведенные выше пропозиции находятся друг с другом в формально-логических отношениях, а именно: третья пропозиция находится в причинно-следственном отношении с первыми двумя, связанными отношением конъюнкции. Все они, в свою очередь, связаны отношением не исключающей дизъюнкции с четвертой пропозицией, с которой отношением логического следования связана пятая пропозиция. Шестая и седьмая пропозиции находятся по отношению к предыдущим также в логическом отношении следования, составляя вместе вывод из предыдущих пяти посылок, завершая данный силлогизм. Пропозиции восьмая, девятая и десятая являются уже посылками для выводной одиннадцатой пропозиции. Двенадцатая и тринадцатая пропозиции являются посылками для четырнадцатой, заключительной (обобщающей все логическое построение) пропозиции. Таким образом, данное сверхабстрактное единство представляет собой последовательность из трех

силлогизмов, первое из которых является, согласно Канту, суждением разума, а два других, следующих друг за другом, суждениями рассудка.

Следует отметить, что содержащиеся в тексте формально-логические структуры имеют не столько формально-логический, сколько формально-речевой, или композиционный (текстовый), характер: и посылки, и выводы из них имеют текстовую (речевую), т. е. развернутую (непропозициональную) форму. Это, скорее, формально-логический «каркас», схема текста, лежащая в основе текстового суждения и сигнализируемая маркерами типа «но», «потому что», «следовательно» и т. п. При этом происходит наращивание логической экспрессии в соответствии с кантовскими категориями модальности, т. е. текстовое суждение начинается с гипотетических суждений и заканчивается аподиктическими суждениями, обладающими модальностью строгой необходимости.

Второй фрагмент (второе сверхабзачное единство) представляет собой аргументацию от субъекта эмпирического познания в модусе иллюстрации: приводятся примеры с восприятием субъектом дома и его частей, а также разных агрегатных состояний воды. В заключительном сверхабзачном единстве автор вновь переходит на метауровень текста, снимая возможные сомнения со стороны адресата. В частности, автором снимается вполне уместный со стороны адресата вопрос о том, как понять то обстоятельство, что природа должна соотносываться с категориями, если сами они не могут быть заимствованы из опыта. Далее следует ответ, снимающий данное сомнение. Обращает на себя внимание диалогическая форма построения аргументации, которая не свойственна аргументации от первых двух субъектно-речевых ролей автора.

В заключение Кант как автор и организатор своего текста аргументирует в пользу отказа от разделения текста на параграфы.

Таким образом, аргументация в тексте «Критики чистого разума» представляет собой сложную многоуровневую систему, обусловленную разными субъектно-речевыми ролями

автора текста, порождающими разные формы дискурса, место и аргументативный статус которых определяется предметом и общей стратегией рассуждения Канта как автора своего произведения.

Список литературы

Kant I. Werke in zehn Bänden. /Herausgegeben von Wilhelm Weischedel. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft Sonderausgabe, 1983. Bd. 3.

